

ИНОГДА САМОЕ ЦЕННОЕ —
ЭТО НЕ ТО, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ.
А ТО, ЧТО ДО СИХ ПОР С ТОБОЙ.

ВОЙДАУН

ВОДА
СВЕТ
ЖИЗНЬ

ГЭС
1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОВЕСТЬ

Rjdcg Fi Войдтаун

<https://litres.ru/74508438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Войдтаун построен там, где не должно быть ничего.

Под городом — Пустота. Над городом — единственный твёрдый потолок, к которому крепятся конструкции Войдтауна. Здесь нет солнца, ветра и нормальной земли. Есть электрический свет, вода по расписанию, ржавый металл, бетон и люди, которые продолжают жить, потому что другого места у них нет.

Блестяшка работает инженером на единственной электростанции города.

Воды становится всё меньше. Оборудование разваливается. Запчастей давно не производят. Электричество отключается всё чаще, а из Пустоты иногда появляется то, чему лучше было бы там и оставаться.

Войдтаун держится на старых машинах, остатках ресурсов и людях, которые ещё умеют что-нибудь чинить.

Блестяшка рассказывает, как устроен его город, почему он оказался в таком положении и что произошло, когда всё начало окончательно ломаться.

Вот только чем больше он рассказывает, тем больше вопросов возникает к самому рассказчику.

Потому что некоторые вещи Блестяшка помнит слишком хорошо.

Rjdcg Fi
Войдтаун

Среда

– Меня зовут Блестяшка. Почему так?

– Однажды в детстве я украл что-то блестящее. Я не знаю, что именно, но моё имя пошло именно оттуда. И это что-то до сих пор со мной, хоть я и не знаю его названия. По-прежнему блестит на свету, когда свет есть.

– Почему меня зовут именно так и почему мы живём так, как живём?

– Добро пожаловать туда, откуда я родом.

Город в Пустоте

– Как мне рассказывали, давным-давно Войдтаун был основан посреди... Буквально Великого Ничто. Тут вообще ничего нет. Хотя...

– Там, снаружи, где-то есть вход. Он всего лишь одн. И ведет сюда. В Пустоту. Как я читал, и как мне рассказывали, самое первое использование этого места - огромная свалка. Сюда сваливали вообще все. Химию, радиацию, различное дерьмо. А потом, кому-то пришла идея основать здесь поселение.

– Так и возник Войдтаун. Сначала это была просто огромная воронка чтобы ловить мусор, а потом начали строить этажи. Вокруг воронки возникла сталелитейка, переработчик, и другие штуки. А все это дело, огромное и всящее как несколько Боингов, кстати я до сих пор не знаю, что такое Боинг, но сути это не меняет. Единственное твердое место здесь - потолок. Никто не знает, как эта штука, иссиня-черная и вообще неуязвимая возникла, но именно там и располагается вход. Войти можно, выйти - как выйдет. Обычно нет.

– К потолку самые первые поселенцы прикрутили огромные пустотелые столбы. Никто до сих пор не знает, как им удалось пробить породу, но факт есть факт. Вся платформа держится на них.

– По этим столбам иногда ездят лифты. Но так редко, что я видел один такой когда мне было шесть. Всего шесть. А сейчас мне двадцать семь. И я до сих пор жду скрежета, такого громкого и интересного. Никаких вестей с тех пор.

– Интересно то, что вокруг ничего нет. Даже света. Весь свет у нас электрический. Времени у нас тоже нет. По городу стоят маятниковые часы, которые отсчитывают 24 часа и звонят в определённые часы. В 7 - подъем, в 11 - отбой. Режим? Никто не соблюдает режим. Когда-то часы закладывались как способ отсчитывать время и регулировать работу, но сейчас они просто показывают время. Я часто стою рядом и слушаю их тиканье.

– Наш город называется именно так. Войдтаун. Я не знаю, почему, но догадываюсь. Удивительно, но у нас даже есть гидропонная ферма, хотя свежие овощи - удел элиты. Каждый день мы сталкиваемся с выбором: вырастить еду или запитать город электричеством? Выбор не всегда очевиден. Воды не хватает даже нам.

– Есть НИИ по изучению Пустоты. Зачем? Потому что существуют Пустые. Эти твари ползучие выглядят вообще не как люди и постоянно лезут отовсюду, откуда можно, чаще всего снизу или с краев платформы. Мы не знаем кто они, но мы их активно отстреливаем. Если патронов хватает. А если нет, то беги, прячься и молись, чтобы тебя никто не нашёл. Самое поганое, что мы их едим, если еды совсем не хватает. Что примерно всегда.

– Есть у нас единственная электростанция, и она, как и все индустриальное, расположена сверху. Наше творение. Не в смысле мое, а в смысле она уже была когда я родился, но мы ее улучшали. Есть у нас бары, пивоварня, дома, школы и даже институты. Их всего два - гуманитарный и технический. А в одной больнице на всю платформу жёстко не хватает персонала...

– Блестяшка, ты че, опять за свое?

Я вздохнул и выключил диктофон.

– А вас это так сильно волнует?

Я намеренно проигнорировал взгляд мужчины, но отметил, что он начал тереть свои глаза.

– Я тебя пятый раз ловлю за этим занятием за эту неделю. Блестяшка, сегодня вторник!

Это мой босс. Он... тварь. Хотя в целом заботится о нас. Если делать что скажет, то все будет нормально. Наверное.

– Так и что с того? Может, мне нравится этим заниматься!

– Отлынивать тебе нравится! Совсем уже в край охренел!

Я уже не слушал. С драматичным вздохом, я выключил диктофон и поднялся на ноги.

Я работаю инженером на нашей единственной электростанции. В Пустоте ничего нет. Вообще, гравитация существует только на платформе. Удивительно, что как только человек пришел в Пустоту, он привел за собой воздух, воду, гравитацию, свет. Электрический свет. Сидим и молимся чтобы не качнуло, такое тоже бывает. Иногда случается, что гравитация решает тянуть не вниз, а на юг или в сторону шести вечера. Такая штука научно называется “Векторный сдвиг гравитации”, но мы, простые рабочие, называем это просто качением. Ну потому что реально качает из раза в раз.

Как я и говорил, ничего у нас нет. Ветра и света нет. Поэтому мы думали сначала сжигать мусор и вращать паровую

или газовую турбину, но быстро поняли что это гиблое дело. Заводы и так дымят беспощадно, а тут еще и выбросы добавятся. Поэтому мы решили закольцевать какое-то количество воды, которую сюда тоже сливают. Ее даже не очищают, просто сразу в коллектор, который мы и придумали. Раньше вода не фильтровалась, а сейчас из нее хотя-бы удаляют некоторое количество крупного мусора.

Коллектор мы сделали в виде водопада. А затем из того же говна и палок создали несколько турбин. В свои лучшие годы суммарно они давали около трехсот киловатт. А затем мы поняли, что воды нам не хватает. Отсюда и пошел тот выбор: либо ферма, либо электричество, либо дома. К тому же, Пустые очень любят темноту и нижние ярусы особенно опасны. Им зачастую перерубают электричество по принципу “кошка бросила котят, пусть играют как хотят”.

Конечно этих турбин не хватает. Я не удивлен, что всем плевать. Конечно, мы хотели как лучше и писали наверх, но сверху всегда молчали, а иногда и отключали подачу воды вообще. На срок от недели и более. Все встало сразу, хорошо хоть мы предусмотрели что вода на нашей ГЭС закольцована через коллектор.

Мне нравится думать, что мы независимы. Но мы всегда зависимы от внешнего мира. Все строится на том мусоре, который внешний мир скидывает сюда, к нам.

А вообще, помню один случай когда качнуло. Гравитация

сместились на 45 градусов, и несколько бараков затопило.

Поколения меняются. Жизнь становится все хуже. О нас словно забыли, или списали, или просто убивают. Помнится первыми поселенцами как раз и были осужденные, заключенные, каторжники и прочие отбросы общества. Кладбища нет, всех мертвых мы сжигаем. Конечно, на это тратится драгоценное топливо, но тепло от крематория идет в центральную котельную и уже потом в наши дома. Удивительно что температура здесь держится стабильно на отметке в около 12 градусов Цельсия.

Я шел. Думал. Размышлял о судьбе нашей ГЭС. Она умирала. Медленно. Стараясь выдать все, что может. Люди уже начали строить обычную мусоросжигательную электростанцию, но тогда возникнет дефицит не только воды и людей, но и топлива.

Я остановился и принял. Озон. Как обычно Но потом я посмотрел вверх.

– Да твою мать...

Раций у нас не было. Я не мог быстро сообщить о том, что произошло. Но произошло то, что я увидел распад. Научно конечно он называется “Энтропийный голод”, но кому какая разница. Железная балка, как и все в этом мире, надломилась пополам и осыпалась стружкой, оставив подобие висеть

под потолком. Странная арка вышла. Ненавижу ученых. Эту жизнь. Эту работу. Со злости я пнул ближайший металлический предмет. Сразу же пожалел. Боль взорвала мою ногу, и я скорчил такую рожу, чтобы не заорать благим матом, что любой что увидел меня в тот момент предпочел скрыться за углом.

Я осмотрел место и запомнил номер коридора. Электростанция не была большой, но была важной. Каждая комната и каждый коридор имели номер и букву. Своеобразный код. Бетон у нас в таком дефиците, что из него строят только самые важные объекты. Например, нашу ГЭС недавно залатали бетоном. Эрозия сожрала пломбу за несколько дней, и вода снова хлынула и затопила бараки.

Я пошел дальше. Проблема накладывалась одна на другую, рискуя обрушиться на нас лавиной, даже несмотря на наши попытки решать все проблемы оперативно. Все тут ненадежно. И все врет. Даже люди. Даже я.

Всю свою сознательную жизнь - думал я - я помнил, что наши турбины работали на пределе своих возможностей. Что ломалось то быстро чинили и возвращали в строй. Но после сотен случаев ремонтов, конечно все падает. И даже мощность. Я помню время, когда суточный вывод составлял 314 киловатт. Сейчас там держится около 174. И конечно от недостатка воды турбины, по закону подлости, изнашиваются быстрее. Намного быстрее.

Дойдя до центра контроля, я посмотрел на машзал. Три турбины. Маленькое помещение.

Стекла дрожали от гула. Я надел наушники, но даже сквозь них слышал приглушенный гул. Осмотревшись, я нашел в шкафчике журнал аудита и вписал туда номер коридора, где заметил рассыпавшуюся балку. Потом я все же решился и вышел из центра.

Когда я наконец дошел до места, мне в ноздри ударил стойкий запах озона. Снова. Мне даже пришлось закрыть нос и рот платком. С горькой усмешкой вспомнил брифинги по пожарной безопасности.

Я свесился с технического подмостка. Результатом я остался недоволен. Помимо того, что я не смог их нормально осмотреть, мне в лицо ударил горячий воздух. Старушки очень сильно греют здешний воздух. Если бы ещё у нас был способ использовать этот жар в целях генерации энергии, мы бы им воспользовались при первой возможности. А сейчас мы стоим возле щитка и громко, часами спорим, какие области платформы лишит электричества сегодня. С каждым днем турбины выдают все меньше и меньше мощности. Иногда падает на совсем немного, а иногда за раз проседает на десятки киловатт. Никто не знает, сколько все продержится. Способов ее починить у нас нет. Нет у нас и деталей для починки. Только паяльник да изолента, да крепкое словцо. Такое ощущение, что в этом городе абсолютно все держится на

слове, и не факт что честном. Скорее на одном благом мате.

Я вспомнил. Представьте себе нефтедобывающую платформу. А теперь выньте ее из океана, переверните вверх тормашками, уберите бур и поставьте вместо него воронку, а сваи прикрепите к единственной твердой материи в этой части вселенной. Представили? Примерно так и выглядит Войдтаун. Я никогда не видел его со стороны и никогда не увижу. Выходить с платформы смертельно опасно.

Я осмотрел помещение и вздохнул. Шумно. Уровень воды сегодня меньше, чем вчера. Ничего не изолировано. Воняет. Воняет озоном. Ненавижу этот запах. Сталкиваюсь с ним почти каждый “день”.

Я начал спускаться, но затем меня хлопнули по спине, и я кубарем скатился по лестнице. Я быстро вскочил и уже хотел наброситься с кулаками на обидчика, но увидев, кто это был, я решил повременить.

– Сколько?

– Собака, я даже не проверял ещё!

Макс скукурузил мину. Наверное понял, что нарывается на неплохой такой мордобой.

– И... что тебя останавливает?

Я быстро осмотрелся и поднял случайную гайку. Она красиво летела, но гад успел пригнуться. Макс не был человеком великого ума. Поэтому, когда он нашёл себе девушку, я очень сильно удивился.

– Эй! Что это было?!

– Ты мне ещё ответишь за свой поступок!

Я решил его сейчас не бить. У нас и так кадров не хватает, а если я сейчас отправлю его в больницу, то все будет вообще очень плохо.

Я ещё раз осмотрел помещение и осторожно приблизился к шумящему агрегату. На меня снова пыхнуло жаром, но я быстро открыл заслонку и посмотрел на показания датчиков. В сердцах пнул что-то. Сразу сморщился и выругался от резкой боли. Опять. И той же ногой.

– Ну ты это, не матерись тут тоже.

Я посмотрел на Макса ненавидящим взглядом. Он человек не великого ума, но он верный друг и хороший механик. Его дед помогал, по легенде, собирать великий агрегат, который вырабатывает нам электричество. По крайней мере,

один из трех. А мне выпала честь помогать улучшать коллектор после отключения воды, чтобы при меньших объёмах производство падало минимально.

Нашу ГЭС надо было ремонтировать, улучшать и расширять. Ни денег, ни кадров, ни частей у нас не было. Мы живём в Богом забытом месте, в которое не проникает даже свет. Мы едва можем запитать свои дома. Все в одной тарелке. И при таких условиях, даже в ситуации апокалипсиса на земле, каким-то чудом на средних уровнях образовалась какая-то элита. Увидел бы, морду набил бы каждому. Хочешь свет дома? Ори на собрании громче всех, а затем страдай от потери голоса ещё несколько дней.

Завод тут не построишь. Ну да, конечно. Скажите это всему, что у нас на верхних этажах.

Говорят, здесь не было физики вообще. Мы её принесли своим присутствием. Ветра здесь нет. Гравитация стекает по столбам, которые не дают нам упасть еще глубже. Ветряков не поставишь, а дыму от завода некуда будет уходить. Будет как великий смог, я читал в книге. Лондон. По картинкам город красивый. Потом книгу у меня отобрали.

Я подпустил Макса к турбине, а сам схватился за ногу и начал массировать. Через секунду я сам услышал мат, а затем и жалобный взвизг.

– Ага! Собака сутулая, поделом!

Я злорадно усмехнулся и увернулся от неуклюжей попытки меня ударить. Импровизированная маска с меня слетела, и я согнулся в три погибели в кашле.

Единственное, что у нас работает постоянно - телевизор. Люди решили устроить то, что называется демократия. По факту же это будет революция. Кто имеет электричество, тот и хозяин. Кто крутит пропаганду по ящику - тот и хозяин. Удивительно много тут смотрят людей телевизор. Люди собираются каждый день у распределителя и орут. Кто-то хочет централизовать подачу электричества, кто-то хочет отрубить полностью, а кому-то все равно. Я в их числе. Политика - не моя лучшая сторона. Почему? У нас нет альтернативы. В буквальном смысле. У нас были детские площадки, которые снесли, а весь металл переплавили. У нас есть библиотека, почти все книги из которой ушли в качестве топлива. Сейчас здание почти пустует.

Очень грустно. Мою любимую книгу про географию тоже бросили в топку.

Бросил я сам. Своими руками.

Плакала моя мечта посетить загадочный Лондон.

– Ну и сколько сегодня?

Я язвительно задал вопрос, прикрываясь своей маской. Я ненавижу находиться в этом помещении. Слишком стойкий

запах озона и постоянная сырость. Говорят, в этом помещении ревматизм зарабатывается за минуты. Я не хочу знать, что это такое, но звучит страшно.

– Сегодня 65. Я склонен не верить.

– Сегодня ты склонен получить по голове моим сапогом!

Макс отшатнулся, но я не планировал его бить. По крайней мере, пока. Я пошёл снова наверх. Подальше от него и этого поганого места.

– Ну и куда ты?

Я резко оглянулся и оступился. Но успел схватиться за перила.

– Я тебя ненавижу.

– Я знаю. Так куда ты?

Иногда, Макс удивительно умело играет у меня на нервах, словно на пианино.

– Наверх. Очевидно же, дубина!

– Э, сам дубина!

Я оставил тщетные попытки его вразумить и просто пошёл наверх.

– И что делать?

– Если бы я ещё знал, что делать, Макс! Я же не начальник станции, я не могу нажать на волшебную кнопку “сделать все хорошо”!

Когда-то на платформе действительно было хорошо. Относительно хорошо. А потом про нас словно забыли или выкинули в мусор. Правильно ли я все помню? Конечно нет. Я на помню, чо было вчера или неделю назад, но идеально помню формулу расчета мощности ГЭС.

– Ладно, остынь.

– Остынь? Остынь?!

Я, уже стоя на подмостках, швырнул в него чем-то, первым, что попало мне под руку. К счастью, я снова промазал. Подмости жалобно заскрипели. Словно напоминая, что здесь все хрупкое и одноразовое. Сломаешь - хрен починишь. И если рассыпется, то считай пропало. Эрозии под-

вержено все. Даже люди.

– Помнится... Не помнишь, когда она выдавала 70?

Макс снова начал играть на моих нервах. Я вцепился в перила, сжав руки до побеления костяшек кулаков. Постарался успокоиться. Не получилось, но я уже не кричал, а просто медленно произносил свои слова.

– Я не помню. Для этого есть журнал. Посмотри там.

Только сразу после этого я вспомнил, что некоторые страницы из журнала просто вырваны. Их судьбы были мне неизвестны.

По крайней мере, они были не там, где должны быть.

Макс увидел на столе журнал, подошёл и начал листать. Только я хотел успокоиться, Макс дал мне плохие новости.

– Слышал, они опять хотят отрубить дома...

Я молча выломал эти сраные перила и метнул в какие-то железки. Отключать дома в “ночное” время было обычной практикой. Но не в “дневное” же!

Но самым обидным было то, что мы не знали, почему нас отключают. И куда уходит электричество. Словно нас мето-

дично убивают.

Макс, собака такая, даже ухом не повёл. Убил бы, была бы возможность. Возможности не было. И, видимо, никогда не будет.

Я медленно сполз по стенке на пол и закрыл лицо руками. За прошедшие две недели нас 10 раз отключали от электричества. У меня просто не было сил уже что-то комментировать или воспринимать. Я чувствовал, что психоз очень близко, но до этого всегда сопротивлялся. И именно тогда, когда я хотел быть поглощенным...

– Эй! Ты в порядке?

Рука Макса, которая опустилась мне на плечо и попыталась поднять, привела меня в чувство.

– Макс, скотина!

– Блестяшка, сволочь, не смей даже начинать! Иди уже проверься!

– У НАС НЕТ ТАКИХ ВРАЧЕЙ!

Я наорал на лучшего друга. Мой кулак очень быстро оказался в его челюсти. Хруста я не услышал, вроде как ничего

не сломал.

Тяжело дыша, я попытался успокоиться. Удивительно, что у меня получилось. Ещё более удивительно было то, что Макс решил не бить меня в ответ. Я сглотнул свой комок в горле и затолкал его поглубже.

– Ещё раз. Ты знаешь, какая у нас больница. Одной бедной студентке приходится отдуваться за всех, пока врачи заняты чем-то другим.

– Знаешь ли, врачи могут быть-

– Макс. Слушай сюда, падла. Врачей у нас на всю платформу чет

ыре, если считать студентку. Зарплат нет. Электричества зачастую тоже. Захочешь ты в таких условиях работать?

Словно в подтверждение моих слов, лампочка наверху пару раз мигнула и погасла. Я снял с пояса фонарик и включил его. Щелчок кнопки меня ещё немного успокоил.

– Лично я не хочу даже в таких условиях работать.

Ещё больше успокаивало то, что вода продолжала поступать, а турбина продолжила шуметь. Нас отключили, чтобы кого-то где-то подключить.

– Приплыли...

– Спасибо за информацию, Капитан
Очевидность.

– Ты не можешь так просто взять и-

– Могу, Макс. Могу и буду. Теперь заткнись и иди сюда.
Фонарик тут только у меня.

Только сейчас Макс решил охлопать свой пояс. Кроме нескольких гаечных ключей, ничего он не нашёл.

– ...твою мать.

Я услышал его сдавленный вздох поражения и усмехнулся сквозь маску. Сразу после вздоха я направил тонкий луч света, чтобы мой лучший друг, не дай Бог, если он вообще в принципе есть, запнулся и не дай Боже, упал.

Когда он наконец-то поднялся, я услышал жидкий чавк.

– Твою мать. Ты во что влез?

Я перевёл луч фонарика на его ноги. К счастью, там была лужа обычной воды. Или не очень обычной. Именно эта лу-

жа заставила заставила меня посмотреть вверх и посветить туда же. Там шла труба. Я не знаю, что в ней, и не хочу знать. Я просто увидел, что медленно, оттуда с завидной периодичностью и мерзким звуком капают капли.

Я промолчал, но моё лицо показало гримасу.

– Ты че рожу кислую сделал?

– А наверх посмотри.

Макс проследовал лучу фонарика и тихо выругался.

– Не ругайся. Подумай, как мы из этой жопы выбираться будем.

– Да тут везде жопа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.